

Дверь кабинета ректора.

Фу Сыхэн и помыслить не мог, что за каких-то пару дней станет навещаться сюда с завидной регулярностью.

Он стоял, прислонившись спиной к стене. Янь Сюнь расположился в полуметре от него, небрежно опершись локтями о перила, и время от времени беспечно кивал проходившим мимо знакомым. Каждый проходящий по коридору бросал на них изумлённый взгляд, но Сыхэн сохранял полное хладнокровие, а Сюнь всем видом демонстрировал абсолютное умиротворение.

Они ничем не напоминали провинившихся курсантов, ждущих нагоняя от руководства, — скорее двух приятелей, заглянувших к ректору на чашку чая.

С улыбкой попрощавшись с какой-то первокурсницей, Янь Сюнь уже в седьмой раз повернул голову к Фу Сыхэну.

Сыхэн наконец не выдержал:

— Чего уставился?

Засунув левую руку в карман брюк, Янь Сюнь поднёс правую, сжатую в кулак, к губам, укрывая за ней довольную ухмылку:

— Да так, ничего. Просто приятно видеть, как инструктор Фу печётся о своих студентах. Рискнуть собой в столь опасный момент, чтобы вытащить меня... Я прямо-таки тронут.

«Тронут он, как же... Назвал бы вещи своими именами — просто раздуваешься от гордости», — мысленно огрызнулся Сыхэн.

Не дождавшись ответа, Янь Сюнь спросил уже серьёзнее:

— Зачем ты пришёл?

— Из заботы о студенте, — отрезал Фу Сыхэн.

— Вот как? — Сюнь чуть изогнул губы в ехидной улыбке. — Не верю.

В этот момент дверь распахнулась. На пороге появился Цюй Мэнда. Лицо декана было мрачнее тучи.

— Заходите, — буркнул он и жестом позвал их внутрь.

Янь Сюнь бодро перешагнул порог. Фу Сыхэн, с немим изумлением посмотрев ему вослед, словно на невиданное диво, только вздохнул и поплёлся следом.

В кабинете за массивным столом сидел ректор Ци Кунь, всё ещё пышущий гневом. Рядом с ним, опустив голову, стоял посрамлённый Чжао Чжифань.

Услышав шаги, Чжифань поднял глаза и встретился взглядом с Фу Сыхэном, одарив того тяжёлым, исподлобья, взором.

Не успел Сыхэн и словом обмолвиться, как Янь Сюнь шагнул вперёд и мёртвой хваткой вцепился Чжифаню в воротник:

— Ты ещё смеешь коситься, тварь?! Хочешь отсюда на носилках уехать?!

Чжао Чжифань онемел от такой наглости. Он ни за что не ожидал, что этот выскочка осмелится распускать руки прямо в кабинете ректора.

Цюй Мэнда хоть и читал своему подопечному нотации последние полчаса, от подобной выходки потерял дар речи.

— Прекрати паясничать! — рявкнул декан. — Ты где, по-твоему, находишься?!

Чжифань, считавший Сыхэна мягкотелым, а Сюня — неуправляемым головорезом, сжался и не посмел огрызнуться.

Ци Кунь поднялся из-за стола. На его суровом лице не было и тени сочувствия.

— Руки убрал! Ты думаешь, вас сюда хвалить позвали?! Кабы не Сяо Фу, подоспевший вовремя, ты хоть представляешь, чем бы всё закончилось?!

При обращении «Сяо Фу» Янь Сюнь едва удержался от смешка.

Ци Кунь едва не задыхался от праведного гнева. Сын самого командующего Министерства обороны! Случись с ним что — ректор головой бы ответил! А этот сопляк мало того что рисковал жизнью, так ещё и едва не покалечился.

Дойди слухи до командующего Яня, о ректорском кресле можно было бы забыть навсегда.

— Слепой, импульсивный глупец! Ещё в университете я вдалбливал тебе, что такое

дисциплина, а ты до сих пор не научился думать головой! — Ци Кунь тыкал в него пальцем. — На площадке была куча народа! Своего коммандера не хватило, чтобы вызвать группу захвата?!

Чжао Чжифань, сперва думавший, что разнос устроят Сюню, при этих словах ошарашенно вскинул голову.

«Пока бы ваша группа добралась, меня бы уже в блин раздавило подушками безопасности!»

Янь Сюнь вытянулся по стойке «смирно», но взгляд его оставался дерзким и рассеянным. В тёмных глазах читалось юношеское упрямство и откровенное нетерпение.

Стоявший подле них Цюй Мэнда попытался сгладить углы:

— Впрочем, не стоит сваливать всё на Янь Сюня. Мой студент тоже хорош. Да и инструктор должен был вовремя пресечь подобное безрассудство...

С этими словами декан выразительно посмотрел на Сыхэна, намекая, чтобы тот признал вину и разрядил обстановку.

Но Янь Сюнь не сдержался. Прокашлявшись, он заявил:

— Господин ректор, позвольте мне прояснить сегодняшнее происшествие. Во-первых, что касается безопасности: мы с ассистентом Сяо и инструктором Фу неоднократно разжёвывали студентам правила, да только этот осёл пропустил всё мимо ушей. Во-вторых, ждать службу безопасности было нельзя, ведь на кону стояла жизнь редчайшего межзвёздного цветка! Пусть глупая, но абсолютно невинная жизнь! Подводя итог: нашей вины здесь нет, просто из-за экстренной ситуации мех получил крошечные повреждения.

Цюй Мэнда и Чжао Чжифань одновременно уставились на него.

При слове «мех» Ци Кунь снова вышел из себя. Брови его взлетели, глаза налились гневом:

— Крошечные повреждения?! Да как у тебя язык поворачивается такое говорить! Что я вам твердил, когда отдавал машину?! Это самый дорогой... Нет, самый ценный мех во всей системе! Ты хоть представляешь, сколько времени и сил декан Нань вложил в создание этого образца?! Такое никакими деньгами не измерить!

Свидетели сцены дружно перевели взгляды на ректора.

Янь Сюнь сокрушённо вздохнул и с наигранной болью в голосе произнёс:

— Да-да, вы абсолютно правы! Труд декана Наня нельзя осквернять банальной монетой! Стало быть... платить нам не придётся?

Фу Сыхэн поперхнулся воздухом. «Вот же логический гений, чёрт бы его побрал...»

Декан Цюй и Чжифань окончательно лишились дара речи. Они переводили взгляды с Сюня на ректора, словно марионетки, у которых одёрнули одну и ту же нить.

— Что?! Что значит «не придётся»?! — Ци Кунь чуть не схватил инфаркт. Схватившись за сердце, он закричал: — Десять миллионов! Вы разнесли машину в щепки! У твоего отца что, деньги из воздуха материализуются?!

Услышав упоминание об отце, Янь Сюнь скосил глаз на Сыхэна. Убедившись, что тот сохраняет безучастный вид, он со всей возможной наглостью ответил Ци Куню:

— Вы же сами только что сказали, что его ценность нельзя измерить деньгами. Я грешным делом подумал, что вы намекаете именно на это. Ведь всем известно, насколько наш ректор великодушен.

Артериальное давление Ци Куня стремительно поползло вверх.

Двое остальных замерли с открытыми ртами. Они-то ждали, что ректор устроит назидательную порку Янь Сюню, а в итоге господин Ци едва не отправился к праотцам.

Фу Сыхэн, понимая, что ситуация заходит в тупик, вмешался:

— Вычтите сумму из моего жалованья. Он здесь ни при чём.

Янь Сюнь тут же вспыхнул:

— Чёрт, что значит «ни при чём»? Ты меня за кого принимаешь?! Нате, снимите отсюда!

С этим звучным вызовом он швырнул на стол чёрную банковскую карту.

Ци Кунь замер, глотая воздух.

В конце концов положение спас Цюй Мэнда:

— Хоть мех они доконали вдвоём, ответственность лежит на всех. Пусть делят сумму на троих. Чжао Чжифань получает строгий выговор с занесением в личное дело, пишет публичное объяснение и лишается двадцати баллов за семестровый зачёт.

Он посмотрел на Сыхэна, и тот всё понял без слов. Семья Чжифаня не располагала такими средствами, и даже отчисление не вернуло бы деньги, поэтому декан просил Сыхэна взять большую часть расходов на себя.

Янь Сюнь перебил их:

— А пусть он отрабатывает! Назначьте его на общественные работы: пусть на раздаче в столовой поработает, книги в библиотеке расставляет. Глядишь, постепенно и выплатит. А если до выпуска не успеет — останется здесь дворником или дежурным на КПП. Рано или поздно расплатится.

Цюй Мэнда поморщился:

— Помолчал бы ты лучше...

В итоге Фу Сыхэн взял часть долга на себя, благополучно превратившись из преподавателя Чжао Чжифаня в его личного кредитора.

Решив финансовый вопрос, Ци Кунь перевёл дух и обратился к Чжифаню:

— А ты останься. Вызывай родителей, а завтра отправляешься в карцер.

«Карцер» в академии являлся суровым дисциплинарным наказанием, заимствованным из армейского уклада. Провинившегося затворяли в одиночной камере с минимальными удобствами, лишая солнечного света и контактов с внешним миром на срок от трёх до десяти суток.

Услышав слово «карцер», Янь Сюнь внезапно повернулся к Фу Сыхэну. В его голове промелькнуло воспоминание о прошлых учениях, когда школа собиралась запереть его в одиночке.

Сейчас он искренне жалел, что тогда взял всю вину на себя. Надо было утянуть Сыхэна за собой! Тогда они провели бы в замкнутом пространстве три дня и три ночи... только вдвоём.

Его лицо просияло настолько явно, что стоявший рядом Цюй Мэнда посмотрел на него как на законченного умалишённого.

Спустя десять минут они покинули ректорат. Декан и Чжифань остались внутри, чтобы обсудить детали наказания.

Затекшая шея Янь Сюня хрустнула, когда он размял мышцы:

— Старик Ци — жуткий скряга. Если дело касается финансов, из него и медяка не выбьешь. Не давай ему садиться себе на шею.

Фу Сыхэн ничего не ответил, лишь опустил взгляд на левую руку Сюня, глубоко упрятанную в карман брюк.

Заметив этот жест, Янь Сюнь задорно свистнул:

— Ты чего? Неужто позарился на мою красоту? Наконец-то разглядел, какой у тебя шикарный бывший?

— Вынь руку. Покажи, — проигнорировал колкость Сыхэн.

Сюнь слегка покашлял:

— Да пустяки там, царапина.

Фу Сыхэн молча развернулся и пошагал прочь.

Янь Сюнь обомлел:

— Эй! Я же просто из вежливости! Неужели ты вправду столь бесчувственен?!

— Если не хочешь занести инфекцию, иди за мной, — не оборачиваясь, бросил Фу Сыхэн.

Глаза Сюня мгновенно зажглись. В пару широких шагов он нагнал его.

Солнечные лучи пробивались сквозь густую крону деревьев, вычерчивая на земле причудливую мозаику теней. Две фигуры скользили по аллее, то сближаясь, то отдаляясь друг от друга.

Вскоре они добрались до преподавательского корпуса.

У самой двери Янь Сюнь притормозил, наигранно замешкавшись:

— Мне прямо вот так войти? Как-то неловко...

Фу Сыхэн ровно отозвался:

— Можешь сменить пол и зайти снова.

—... Ну, в этом, пожалуй, нет необходимости, — ухмыльнулся Сюнь.

Сыхэн указал ему на диван, а сам достал из шкафа аптечку.

Янь Сюнь, вальяжно развалившись на диване, любопытно оглядывал обстановку. Его цепкий взгляд мгновенно зацепился за полупустую коробку с салфетками у изголовья кровати.

— А салфетки-то у тебя быстро улетают, инструктор Фу, — прочистив горло, протянул Сюнь. — Часто балуешься ручной работой?

— Заткнись.

Сыхэн страдал аллергическим ринитом, поэтому салфетки у кровати были для него жизненной необходимостью, а вовсе не тем, о чём подумал этот пошляк.

Янь Сюнь, разумеется, и сам прекрасно понимал истинную причину, просто не упустил случая подразнить его.

Но когда Сыхэн выложил на стол физраствор, йод и ватные палочки и протянул к нему руку, язычок Янь Сюня мгновенно присох к гортани.

Он заворожённо смотрел на Сыхэна. В дымчато-голубых глазах инструктора царило абсолютное спокойствие, подобное глади застывшего океана, но Сюнь знал, какие глубокие чувства скрываются за этой безмятежностью. Словно поддавшись гипнозу, он вложил свою правую ладонь в руку Фу Сыхэна.

При близком рассмотрении брови Сыхэна сдвинулись к переносице.

Тыльная сторона узкой, костистой кисти была испещрена мелкими порезами от осколков обшивки меха, а на костяшках темнели налитые кровью гематомы.

Едва кончики пальцев Сыхэна коснулись ладони Сюня, тот едва заметно перевёл дыхание.

Сыхэн бережно перевернул его кисть — ладонь оказалась сплошь покрыта алой опалённой кожей от ожога.

Мрачно нахмурившись, он открыл тюбик с противоожоговой мазью:

— В следующий раз будешь действовать так же отчаянно — останешься без рук, и поделом.

Сыхэн опустил ресницы и аккуратно нанёс мазь. Чтобы не стереть снадобье, он придерживал руку Сюня за пальцы: четыре его пальца подпирали ладонь Сюня снизу, а большой мягко фиксировал фалангу сверху.

Его прохладные, белоснежные подушечки случайно задели грубые мозоли на руке Янь Сюня. Тот слегка вздрогнул, взгляд его потемнел. словно весенний листок стыдливой мимозы, прикосновение к которому заставляет его смущённо сворачивать лепестки.

Фу Сыхэн сосредоточенно обрабатывал повреждения. Его длинные густые ресницы, точно два маленьких веера, отбрасывали полукруглые тени на бледные веки. Из-под серебристых прядей выбивался изящный изгиб шеи, где едва заметная родинка притягивала взор, будто немой призыв.

Дыхание Янь Сюня моментально сбилось. Рука, лежавшая в ладони Сыхэна, невольно сжалась, а кадык на каштановой шее судорожно дёрнулся вверх и вниз.

Заметив это, Фу Сыхэн с недоумением поднял взгляд и неожиданно уловил в воздухе едва уловимый, но до боли знакомый аромат мускуса и орхидеи.

Он слегка моргнул и задал вопрос, давно терзавший его душу:

— Ты ощущаешь этот запах?

<http://bllate.org/book/19806/1986234>